

**Звёздная пара французского кино
(к 90-летию со дня рождения Симоны Синьоре и Ива Монтана)**

Ил. 1. Ив Монтан и Симона Синьоре

«Развлечение, состоящее в том, чтобы мысленно перекраивать прошлое, повторяя: «А что было бы если бы...?» – довольно пустое занятие», – с беспелляционностью молодости писал 34-летний Монтан в своих ранних мемуарах «Солнцем полна голова» [1, с. 40]. Между тем, именно оно на целое десятилетие стало уделом его знаменитой жены Симоны Синьоре, пытавшейся таким образом спастись от горьких мыслей, сводивших её с ума...

Дочь белошвейки

Генриетта Шарлотта Симона Каминкер родилась 25 марта 1921 года в немецком Висбадене. Её отец был потомком зажиточных польских и австрийских евреев. Андре Каминкер получил юридическое образование, но увлёкся синхронным переводом. В жены он взял красивую француженку-католичку из белошвейек. Через два года после рождения дочери семья переехала во Францию. Супруги поселились в богатом пригороде Парижа – Нейи. Отец все время пребывал в разъездах – с международного симпозиума на конференцию, с конференции на конгресс. Мать растила детей (дочь и двух сыновей) и вела жизнь состоятельной дамы.

Ил. 2. Симона Синьоре (Simone-Henriette-Charlotte Kaminker). (1921–1985)

На новом месте немецкоговорящей девочке пришлось всерьез заняться французским. Помогла ей в этом феноменальная слуховая память. Впоследствии, став актрисой, Симона и роли учила на слух, с голоса ассистента. Дочке передались лингвистические способности отца: она свободно владела немецким, французским и английским языками. У нее был хороший слог, а сочинения всегда оказывались лучшими в классе. Когда Симона начинала «изображать» кого-нибудь из знакомых, все покатывались со смеху, называя маленькую Каминкер «артисткой». Её действительно влекла к себе сцена, особенно с тех пор, как отец стал работать у Дамура – известного владельца театрального рекламного агентства.

Война застала семейство Каминкеров в Бретани. Симона, прошедшая курс гуманитарных наук в престижном лицее города Ванн, готовилась к экзамену на степень бакалавра. Родители с младшими братьями отдыхали в деревушке Сен-Жильда. Когда фашисты оккупировали страну, отец исчез. Позже он объявился в Лондоне, где, вступив в движение «Свободная Франция», всю войну проработал на радио, вещавшем на оккупированную Европу.

Вернувшись в Париж, Симона ощутила пугающий интерес властей к своей неарийской фамилии. «Это древняя бретонская», – отговаривалась девушка. Но подозрительность немцев росла. Тогда влиятельные знакомые нашли для юной Каминкер безопасную «крышу»: устроили Симону машинисткой в редакцию парижской коллаборационистской газеты «Les Nouveaux Temps», а заодно выправили ей документы на девичью фамилию матери – Синьоре. Случайно та совпала с фамилией любимого киноактера Симоны – Габриэля Синьоре. Впоследствии актриса предпочитала говорить, что взяла сценический псевдоним в память о своем кумире. Почувствовав себя вне опасности, Симона поступила на драматические курсы Соланж Сикар, а вечера проводила в знаменитом кафе «Флор», где собиралась парижская богема.

Кинематографические университеты

Правда, девушка с оригинальной внешностью и острым складом ума не сразу вошла в артистический мир Парижа. Целых четыре года ей пришлось играть в массовках и эпизодах.

Но Симона сумела извлечь из этого обстоятельства максимум пользы: она прошла кинематографические «университеты» что называется без отрыва от производства.

Уже первый фильм – «Демоны зари» (1946) режиссёра Ива Аллегре, где Синьоре сыграла заметную роль, заставил критиков говорить о ярком даровании молодой актрисы. Аллегре был покорён её очарованием, талантом и интеллектом. Тридцатидевятилетний Ив и двадцатипятилетняя Симона стали любовниками. Через неделю после премьеры картины на свет появилась их дочь, Катрин, которая получила фамилию Каминкер, а в свидетельстве о рождении – запись «отец неизвестен» [2, р. 61]. Когда в 1948 году её родители, наконец, узаконили свои отношения, девочка стала именоваться Катрин Аллегре.

Ил. 3. Ив Монтан (Ivo Livi). (1921–1991).

О том, чтобы спокойно наслаждаться материнством, не могло быть и речи. Следовало немедленно закрепить успех. Не прошло и месяца после рождения ребёнка, а Синьоре уже снова стояла перед камерой. В фильме «Макадам» (1946) она сыграла серьёзную драматическую роль, за исполнение которой Симону назвали лучшей дебютанткой года. Была у этой победы и оборотная сторона: с ранних лет у Катрин стала копиться обида на мать за то, что та лишила её счастливого детства. «Подобно многим детям слишком занятых или знаменитых родителей, меня всю жизнь преследовало чувство, будто я не существую», – повзрослев, жаловалась она журналистам [3]. То, что ребёнку Симона предпочла карьеру, позже аукнулось кинозвезде страшной болью.

Постоянно снимаясь, Синьоре приобрела известность во Франции, а после английского фильма «Против ветра» (1948) – ещё и в Великобритании. Летом 1949 года, закончив работу над новой картиной Аллегре «Проделки», супруги отправились отдохнуть на Лазурный берег. Тогда же в Сен-Поль-де-Ванс приехал с концертом Ив Монтан, восходящая звезда парижской эстрады, прозванный за свой бурный темперамент «динамитом на сцене». Симона с мужем пошли послушать модную знаменитость. Тем же вечером в ресторане «Золотая голубка» знакомый музыкант представил им популярного певца.

«Благородный романтик любви»

Позже Монтан сочинил эффектную версию своего знакомства с Синьоре, которая отлично работала на имидж «благородного романтика любви»: «Посреди двора стоит молодая женщина, окруженная стайей голубей. У неё великолепные белокурые волосы... Она улыбается, как девушки на картинах старых итальянских мастеров... Я незнаком с ней, но знаю, что сейчас подойду к ней, стараясь не спугнуть голубей, и скажу ей что-нибудь, всё равно что, две-три фразы, только бы она обернулась ко мне... Это счастливый день, подробности которого я вновь и вновь готов рассматривать в свою подзорную трубу, – белокурые волосы, сияние солнца, голуби и та минута, когда Симона подняла на меня глаза» [1, с. 128].

События развивались стремительно. Симона увидела перед собой весёлого ровесника, сраженного ее красотой и умом. Готовый ради нее на любые подвиги, Ив ухаживал азартно, напористо. И Синьоре сдалась. «Это было что-то огромное, – писал в мемуарах Монтан, – буря страсти, восторг, праздник». Неистовый шансонье не хотел делить возлюбленную ни с кем. «Сердце моё разрывалось на части, – вспоминала Симона. – Надо было особенно сильно любить, чтобы ринуться в эту авантюру» [2, р. 80]. Синьоре взяла маленькую дочку и навсегда ушла к Монтану.

В канун Рождества 1951 года влюблённая пара расписалась в мэрии Сен-Поль-де-Ванса. Свадьбу сыграли в той самой «Золотой голубке», где произошла их первая встреча.

У супругов имелось много общего: оба они родились за границей, в один год, с двухлетнего возраста жили во Франции, оба носили сценические псевдонимы. Родиной Иво Ливи (итальянская интерпретация еврейской фамилии Леви) была маленькая тосканская деревушка Монсуммано Альто, расположенная на вершине одного из Аппенинских гребней. «Отец дал мне это имя, потому что святой Ив – покровитель адвокатов, – вспоминал певец. – Он считал, что слова могут оказать большую услугу тому, кто умеет ими пользоваться. Однако ему никогда не пришло в голову, что слова будут для меня источником пропитания. Но они всё-таки стали им, только положенные на музыку» [1, с. 29]. В 1923 году коммунисты Джованни и Джузеппина Ливи эмигрировали вместе с тремя детьми во Францию, спасаясь от преследований фашистского режима Муссолини. Семья поселилась в пригороде Марселя и еле сводила концы с концами. Одиннадцатилетний Иво, прозванный одноклассниками «Губастым» из-за большого рта, в который влезало сразу по пол-апельсина, вынужден был оставить школу, чтобы помогать родителям. «На макаронной фабрике, – пишет Монтан в мемуарах, – я готовил целлофановые пакеты к упаковке, раскладывая их отдельно для разных продуктов: макарон, ушек, лапши, вермишели и т. д.» [1, с. 60]. Будущая французская звезда побывал подмастерьем у старшей сестры, открывшей в рабочем квартале крошечную парикмахерскую, молотобойцем на судостроительном заводе, докером в порту.

В 17 лет он начал выступать в марсельских кабачках с ковбойскими балладами и песнями из репертуара голливудской кинозвезды Фреда Астера. Поначалу голос Иво срывался, его подводило чувство ритма, мешала безудержная жестикуляция. Чтобы лучше владеть своим телом, юноша стал брать уроки танцев у пышноусого старика, в молодости преподававшего их в царской России. По словам Монтана, строгий учитель придал ему «гибкость и обучил тысяче способов двигаться на сцене». Вскоре Иво пригласили «разогреть» зал в местном мюзик-холле. Было в этом лихом, пижонистом юнце нечто такое, что заражало публику энтузиазмом. К тому времени Италия стала военным противником Франции, и режиссёр попросил молодого певца взять себе более французское имя. «Я предложил ему – Ив Монтан. Это имя пришло ко мне внезапно, как эхо материнского голоса, так певуче звучавшего, когда мать звала меня в детстве к обеду, крича из окна по-итальянски: Ivo, monta! («Иво, домой!»)», – вспоминал певец [1, с. 88].

Монтан цеплялся за новую профессию с отчаянной настойчивостью. Он прекрасно понимал, что в Марселе настоящей карьеры – с именем на афише, поднимающимся занавесом, светом рамп и оглушительным успехом – не сделать. Поэтому, всё бросив, Ив отправился в Париж. Несмотря на постоянное напряжение, которое было связано с необходимостью под страхом смерти скрывать во время оккупации своё еврейское происхождение, Монтан упрямо рвался на сцену. И тут ему колоссально повезло: судьба свела его с легендарной Эдит Пиаф. Вместо заболевшего певца Монтану предложили «разогреть» публику в первом отделении концерта Пиаф в «Мулен-Руже», который был тогда одним из лучших мюзик-холлов страны. Интуиция безошибочно подсказала певице, что из этого парня выйдет толк.

Под крылом у «Малютки Воробышка»

Хотя на прослушивании Ив произвёл на неё скорее неблагоприятное впечатление. Крупный (1,87 см роста и 82 кг веса), темноволосый юноша в пёстрой клетчатой куртке спел с чудовищным марсельским акцентом и дурацкими ужимками три псевдотехасские песенки («И он вытащил свой револьвер», «Просторы Дальнего Запада» и «Я торгую хот-догами на Мэдисон-авеню»). Спел плохо, но не безнадежно. У него был голос и удивительная, чарующая улыбка, от которой таяло женское сердце и становилось радостнее на душе. Не щадя самолюбия парня, Эдит разобрала его выступление по косточкам: «Начнём с достоинств. Ты красив, хорошо смотришься на сцене, руки выразительные, голос хороший, приятный, низкий. Женщины по тебе будут сходить с ума. Ты хочешь выглядеть и выглядишь умным. Но всё остальное – нуль. Костюм годится для цирка... жестикулируешь как марионетка... Твои песни вульгарны, твой американский жанр – насмешка» [4, с. 142]. А напоследок добавила: «Я не сказала самого главного. Я уверена, что ты певец, настоящий

певец. Я готова заняться тобой». Усилием воли смилив мужскую гордыню (Пиаф была всего на 6 лет старше Монтана), он согласился.

Ил. 4. Эдит Пиаф и Ив Монтан.

И тогда Эдит принялась с увлечением втаскивать его на Олимп славы. Наставница помогла Монтану построить репертуар на французских песнях. «Человек может хорошо петь только о том, что приносит ему радость или боль, – считала она. – Ив нормальный парень. Все другие должны узнавать себя в нём. Значит, у него должны быть такие же желания, как у них. А старше 12 лет немногие мечтают скакать на кляче по горам и долам американского Запада!» [4, с. 144]. Специально для Монтана Пиаф написала две песни: «У неё такие глаза...» и «Что же это со мной?». Она хотела, чтобы он пел о любви.

Умудрённая опытом наставница научила своего подопечного искусству покорять публику: «Не забывай, что в зрительном зале сидят и мужчины и женщины. Нужно понравиться мужчинам, чтобы они увидели в тебе того, кем сами хотели бы быть. Что касается женщин, то с твоей наружностью осечки не будет. Пока ты поёшь, они тебе отдадутся. Но смотри, не до конца программы. В последней песне будь сентиментален. И тогда мужчина возьмёт за руку свою подругу. Они будут счастливы. Ведь не ты, а он поведёт её в постель. Когда их два сердца сольются, ты получишь в награду самые ценные аплодисменты. Ты увидишь, как прекрасна жизнь в те дни, когда публика талантлива» [4, с. 150].

Чтобы избавиться от марсельского акцента, вызывавшего смех у парижских зрителей, Эдит научила Ива способу, которым пользуются актёры: проговаривать текст и петь свои песни, закусив зубами карандаш. Своенравный парень боялся выглядеть глупым, но Пиаф его постоянно подбадривала: «Человек, который трудится, смешным не бывает. Давай!». И он повторял это упражнение до потери дыхания. «Результат оказался вполне утешительным», – вспоминал впоследствии Монтан [1, с. 115].

Сценический образ певца – мужественный и аскетичный – появился также благодаря Эдит. Поскольку ни денег, ни возможностей что-либо достать в то скудное время у Ива не было, Пиаф посоветовала ему выступать в рубашке и брюках. «Только рубашка не должна быть белой, – наставляла она, – иначе публика воспримет, будто ты как вышел из спальни, так и влез на сцену. Публику нужно уважать, она не любит небрежности. Кроме того, это тебя будет перерезать на две части. Рубашка должна быть одного цвета с брюками. Ты высокий, худой, у тебя узкие бёдра, это надо подчёркивать» [4, с. 143].

«Эдит, давай поженимся!»

Гениальная певица, выступившая в женском обличье Пигмалиона, влюбилась в своё «творение». «У этой «Мадмуазель Противоречие» сердце было огромное, как гибралтарский утес, – вспоминал Шарль Азнавур, её «хреновый ангелочек», – а в характере сочетались черты дворовой девки и святой Терезы... Она околдовывала вас...» [5, с. 83–84]. Чувство было взаимным, Монтан стал настойчиво повторять: «Эдит, давай поженимся». Раздумывая над его предложением, Пиаф устроила себе ревизию. С пристрастием оглядев свое изображение в зеркале, лицо и волосы оценила фразой: «Не хуже других». Перейдя к фигуре, констатировала: «Да, не Венера. Никуда не денешься: было в употреблении». И жестко, по уличному, подвела итог: «Грудь висит, жопа низко, а ягодиц кот наплакал. Не первой свежести. Но для мужика это еще подарок» [4, с. 152]. Их бурный роман длился два года. Они ссорились и мирились, часами орали друг на друга, швырялись стульями и даже дрались. В любви Пиаф была деспотична, а в гневе ужасна. Монтан, в свою очередь, был не из тех, кто позволяет держать себя на привязи. Потом наступал мир и сутки обожания. Эдит, по рассказам друзей, сворачивалась клубочком под боком у Ива, и они читали вслух Мольера.

Пиаф пришлось изрядно потрудиться, чтобы из провинциального исполнителя получился настоящий артист, «тот певец, которого ждали», как написали французские газеты о новом кумире. «Эдит, давай поженимся, – настаивал Ив. – Ты – моя жизнь». Но Пиаф не спешила с ответом. Она многого не принимала в Монтане: мужского шовинизма («женщина должна слушаться мужчину»), неимоверного тщеславия («своим успехом я обязан только себе, и никому другому»), наглости неопита, осмелившегося, ничего толком ещё не умея,

критиковать её пение («голая техника») и требовать, чтобы их фамилии на афише печатались одинаково крупным шрифтом. Наконец, лицемерия – с утра до вечера клянясь ей в любви, он постоянно заводил интрижки на стороне. Неистребимый шарм ловеласа безотказно действовал на женщин, Ив же обладал аппетитом людоеда, готового проглотить всё. Эдит его предупреждала: «Я не подбираю чужих объедков».

Ил. 5.

До поры Монтану удавалось гасить конфликты, он как никто умел говорить нежные слова. Однако на пике их отношений Пиаф без объяснений внезапно рассталась с предметом своей страсти. Она бросила Ива первой, следуя неписаному правилу, основанному на собственном жизненном опыте: «Женщина, которая позволяет, чтобы её бросили, – круглая дура. Мужчин – пруд пруди... Надо только находить замену не после, а до. Если после, то тебя бросили, если до – ты! Большая разница» [4, с. 94]. Обычно это происходило, когда любовная история изживала себя. Но в этот раз всё было иначе. Эдит рвала отношения, чтобы излечиться от любви к Монтану, которому больше не могла доверять. До недавних пор лишь немногие знали истинную причину, подтолкнувшую певицу к этому внезапному решению – Эдит-женщина не простила ему предательства. Однажды, придя домой, она застала Ива в постели с Симоной, своей сводной сестрой и ближайшей наперсницей. Вернувшись из турне Пиаф сменила квартиру, и двери её дома в буквальном смысле закрылись для Ива навсегда. «Несколько месяцев изо дня в день он звонил, стучал, ломился, распластаный на двери как распятие, молил о пощаде, пока не смирился со своей участью», – пишет Жинет Ришер, помощница певицы, в своей книге «Пиаф, моя подруга», изданной в 2007 году [6, с. 65].

Самолюбию Монтана был нанесён жестокий удар. Он тяжело пережил разрыв. Впоследствии Ив всегда говорил, что с Эдит его связывали только узы дружбы. Лишь в

написанной незадолго до смерти книге о себе «Видишь, я не забыл», он, насколько смог, решил быть искренним: «Я влюбился. Пал жертвой чар Эдит и своего одиночества. Что касается профессии, я обязан ей многим. Но не она меня создала, не она сформировала. Помогла мне – спасибо, Эдит! – но прежде всего, она меня любила, поддерживала и ранила с такой решимостью, что прошло много лет, прежде чем я вылез из любви к ней» [7].

Стоит добавить, что дорогу в кинематограф проторила Монтану тоже Пиаф. Его дебют состоялся в фильме «Звезда без света» (1946), куда молодого певца взяли на маленькую роль благодаря Эдит, игравшей главную героиню. Она же рекомендовала Ива как «великолепного драматического актёра, созданного для кино» режиссеру Марселю Карне. Реклама «Малютки Воробышка» возымела действие – режиссёр снял его в главной роли в фильме «Врата ночи» (1946). Картина особого успеха не имела, но песня «Опавшие листья», написанная для неё композитором Ж. Косма и поэтом Ж. Превером, навсегда вошла в репертуар певца.

Исцеление

Исцелила Монтана Симона Синьоре.

Когда перед ней снова, как после рождения ребенка, встал вопрос: карьера или любимый человек – она без колебаний выбрала мужа. Дочь в очередной раз обиделась на неё: «Мама преклонялась перед Монтаном. Их связывала бурная страсть, которая никому другому не оставляла места. Вокруг меня шла блестящая жизнь, но, по сути, я жила в одиночестве» [3].

Симона решила возвращать своё счастье, не расставаясь с супругом. Амбициозный Монтан, одержимый желанием прорваться к вершинам славы на эстраде и в кинематографе, утверждал себя огромным количеством сольных концертов и время от времени снимался в кино. Жена всегда была рядом: за кулисами с полотенцем в руках, чтобы осушить пот, ручьями стекавший с Ива; дома с вкусным ужином или подборкой рецензий о его гастролях. Чтобы не разлучаться надолго, она отвергла заманчивый голливудский контракт. Режиссёр Жак Беккер еле уломал Синьоре сыграть главную роль в фильме «Золотая каска» (1952), ставшую одной из ее самых любимых и отмеченную призами и наградами на международных кинофорумах.

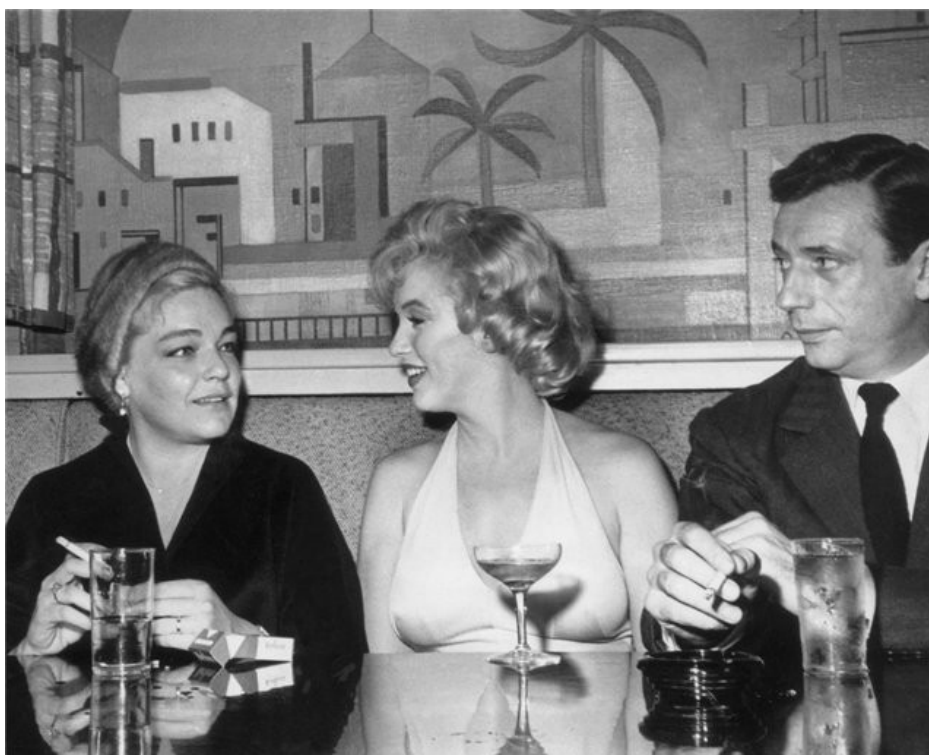
Ил. 6. С Сержем Реджани в фильме «Золотая маска».

Разъезжая по миру, Симона занималась вместе с мужем общественной и политической деятельностью. До сих пор в архиве французских спецслужб хранятся досье на Синьоре («В кинематографической среде считается особой, связанной с коммунистической партией») и Монтана с отчётами о слежке и язвительными психологическими характеристиками. «Во всех своих фильмах, – написано об актрисе, – Синьоре играла преимущественно женщин легкомысленных или проституток. Говорят, что эти роли отвечают её темпераменту» [8].

Запись в досье Монтана гораздо короче: «В личной жизни слывет бабником». Синьоре страдала от того, что режиссёры видели в ней прежде всего плотскую, дразнящую чувственность. Она жаловалась, что ей до смерти надоело играть роли публичных девок: «Так хочется сыграть роль честной женщины. Вы себе не представляете!». Поэтому возможность исполнять ее в жизни очень радовала Симону.

Но вскоре актриса почувствовала, что добровольный уход супруги в тень действует мужу на нервы. В конце концов он женился на кинозвезде, а не на домохозяйке. «Что это ты сидишь здесь и вяжешь?», – раздражённо спросил Ив однажды во время не заладившейся репетиции. «Я здесь, потому что хочу быть здесь, а иначе я бы работала», – ответила Симона. «Легко сказать, – зло отреагировал Монтан, – а где ж предложения?!» Синьоре быстро восстановила свои позиции в кинематографе, стала регулярно сниматься во Франции и за рубежом: «Тереза Ракен» (1953), «Салемские колдуньи» (1957), с завидным постоянством получая награды всё более высокого достоинства. Триумфальный успех английского фильма «Путь в высшее общество» (1958), где она играла героиню, упрочил мировую славу Синьоре. Актриса была выдвинута на американскую премию Оскар.

В Штаты они поехали вместе – Ива тогда же пригласили на серию концертов «Вечер с Ивом Монтаном». Кинозвезда, которую американская публика хорошо знала по фильмам, очень тревожилась за мужа, так как сначала все воспринимали его лишь как «мистера Синьоре». Симона боялась, что у Ива в самый ответственный момент пропадёт вера в собственные силы. Опасения оказались напрасными. Монтан покори́л Америку. На его концертах побывал «весь Нью-Йорк». При полном аншлаге певцу стоя рукоплескали Ингрид Бергман, Марлен Дитрих, Мэрилин Монро, Кларк Гейбл, Монтгомери Клифт, Дин Мартин... Газеты писали: «Всем нашим отечественным певцам, включая Фрэнка Синатру, неплохо было бы сходить на этого француза и кое-чему у него поучиться»; «Когда поет Монтан, чувствуешь, как стучит его сердце»... «Он такой чудесный, – восторгалась Монро, – всё его тело поёт» [2, р. 117].

Ил. 7. Симона Синьоре, Мэрилин Монро, Ив Монтан.

Ив получил предложение сниматься вместе с Мэрилин Монро в её новом фильме «Давай займёмся любовью». Сначала на эту роль планировался Грегори Пек, затем Кэрри Грант, Рок Хадсон, Чарлтон Хестон. Но по разным причинам они отказались. Ив колебался, его уговорила Симона. Она рассуждала так: в любом случае музыкальная комедия, пусть даже не очень удачная, не причинит актеру непоправимого вреда, зато она может стать тем единственным шансом, который сделает его «звездой» мирового класса и поэтому предложение Голливуда упускать нельзя.

«Давай займёмся любовью»

На время съёмок кинокомпания «Фокс» поселила супругов Монро-Миллер, Синьоре-Монтан по соседству, и они охотно дружили семьями.

Тот факт, что Синьоре – французскую актрису, снявшуюся в английской картине со скромным бюджетом – включили в список номинаций на Оскара уже сам по себе шёл вразрез с ранее существовавшей практикой. А когда Симоне удалось обойти четырёх именитых американских «звёзд» (К. Хепберн, Э. Тейлор, О. Хепберн, Д. Дэй) и победить, все заговорили о сенсации.

Ил. 8. С Мерилин Монро в фильме «Давай займёмся любовью», реж. Джорж Кьюкор (1960)

Журналисты не упускали возможности взять интервью у оscarоносной, острой на язык парижанки. Синьоре оправдала их надежды – счастливая, уверенная в себе актриса удивила американок заявлениями о том, что её не привлекает «статус кинозвезды», не страшат проблемы возраста. «Я знаю одну актрису, – с юмором поведала она журналу «Look», – которая двадцать четыре часа в сутки следит за своим лицом, телом и счётом в банке. Могу спорить, что её очаровательному мужу приходится предварительно записываться к ней «на приём», чтобы исполнить супружеские

обязанности. Разве это жизнь?... Возможно, моя нынешняя популярность у зрителей, которая, конечно, мне очень льстит, объясняется ещё и тем, что им надоели хорошенькие куколочки?» [9, с. 23].

Радость, как затем и катастрофа, обрушились на обладательницу Оскара разом. Связанная контрактом, Синьоре улетела на съёмки в Италию. Драматург Миллер уехал по неотложным делам в Нью-Йорк. Тогда-то и случился «восхитительно безысходный роман» между Ивом и Мэрилин, который стал началом конца брака Монро с Миллером, нанес глубокую душевную рану Мэрилин, потешил самолюбие неотразимого Монтана и фактически разбил жизнь его жене.

Приступая к съёмкам, Монтан, озабоченный проблемой, как «подчинить себе» английский текст роли, сильно волновался. «За всю свою актёрскую карьеру мне не доводилось так мучиться, как тогда», – вспоминал певец [9, с. 22]. Мэрилин тоже чувствовала беспокойство, но по иным причинам. На брак с Артуром Миллером, ради которого Монро перешла в иудаизм, кинозвезда возлагала много надежд. Умный, талантливый драматург казался ей подарком судьбы. Мэрилин мечтала о семейном уюте, детях и серьезном совместном творчестве. Но интеллектуальное окружение Миллера не приняло её в свои ряды. Доносить и родить ребенка тоже не удалось. Почти не оправдались и виды на совместную работу в серьезном репертуаре. А тут ещё данное ранее студии «XX век - Фокс» обязательство «вытянуть» на себе очередную комедию. Всё это вселяло в мнительную Монро страх и подавленность.

Таким образом, оба актёра очень старались быть на высоте и трудились не щадя себя. Этот контраст между серьёзнейшим отношением к своей работе и полной неуверенности в её конечном результате и рождал, по словам Монтана, головокружительное ощущение «сообщничества». Однажды, когда Мэрилин, почувствовав недомогание, не явилась на съёмки, Ив навестил партнёршу. «Иду. Вхожу. Присаживаюсь на краешек кровати: «...я рада тебя видеть». «Я тоже рад». Банальнейший диалог, – впоследствии делился воспоминаниями певец. – Но что это со мной творится, спрашиваю я себя. Впрочем, спрашиваю не слишком долго... На следующий день всё выглядит как обычно: мы снова работаем на студии. Но внутри меня бушует пожар. И я уже не пытаюсь даже его унять... На съёмочной площадке между нами царит полное согласие. Мэрилин уверена в себе, и наконец-то её смех звучит неподдельно. О, этот её смех, скажу я вам. Надо было его слышать» [9, с. 23].

Монро увидела в галантном французе «идеал мужчины», способного стать ей опорой в жизни и в очередной раз обозначилась. Что касается Ива, ему льстило внимание той, которая во всём мире считалась «квинтэссенцией женственности» и «вызовом для каждого мужчины». Да и работать с влюблённой партнёршей, от чьей доброй воли зависел исход съёмки (о капризах Мэрилин в Голливуде ходили легенды), было гораздо легче.

Постепенно, не без помощи кинокомпании, слухи об их связи просочились в прессу. Фильм обошёлся студии «Фокс» дороже, чем предполагалось, поэтому роман Монро и Монтана использовали в качестве дополнительной рекламы картины.

Когда в газетах появились первые намёки на их близкие отношения, певец в панике отправил Симоне сумбурную телеграмму с объяснениями, на которую та ответила молчанием. По завершению съёмки «обольстительный» Ив бросил Мэрилин, вогнав бывшую возлюбленную в депрессию и тоску по «идеальному французу», интрижку которого она приняла за «настоящую любовь».

После возвращения Монтана в Париж, между супругами произошло бурное объяснение. Потом всё затихло, их совместная жизнь, казалось, вернулась в прежнее русло. Но это только казалось. Предательство мужа стало для Симоны жизненной катастрофой. И всё же она не смогла оставить Ива. Не решилась порвать «сотни тонких нитей, связывающих людей в течение многих лет, которые, по её словам, в отличие от цепей, только и могут удержать брак». «Если бы ты знала, как я люблю его, этого парня, – призналась актриса близкой подруге. – Жизнь без него – пустота» [Цит. по 10]. В отличие от Пиаф, Синьоре выбрала «жизнь с ним», понимая, однако, что у этих отношений нет будущего.

«Многие из моих друзей до сих пор убеждены, что связь с Мэрилин прежде всего льстила моему самолюбию, – откровенничал позже Монтан. – Да, это так. Я действительно был польщён. Но куда больше тронут. Тронут тем, как это было прекрасно... Ни разу, ни на один миг не возникало у меня мысли порвать с женой. Но если бы она сама, по своей воле, хлопнула дверью, возможно, я связал бы свою жизнь с Мэрилин. Линия поведения, которую избрала для себя Симона, сделала подобную постановку вопроса ненужной» [9, с. 23].

«Я видел, – с чувством рассказывал Ив спустя годы своим биографам Э. Амону и П. Ротману, – что она разбита, несчастна, глубоко опечалена сознанием того, что десять потрясающих лет, которые мы прожили вместе, оказались вот так омрачены...И я очень раскаиваюсь, что причинил ей горе. Но раскаиваюсь только в этом. Ни о чём другом не жалею. Где бы я ни был, как бы ни жил, Мэрилин всегда будет оставаться со мной. И я не хочу гнать от себя её образ. А если иногда всё-таки гоню и прогоняю, то это просто означает, что я пытаюсь выжить – только и всего» [9, с. 23].

Картина «Давай займёмся любовью», вопреки опасениям киностудии, не стала провалом. Её горячо встретили в Англии, прохладно – в США и тепло – во Франции, где критики с пониманием отметили, что в фильме «Монтан улыбается, но выглядит утомлённым».

Начало конца

Донжуанство оказалось второй натурой певца, некогда заявлявшего о том, что, по его мнению, «мужчина может позволить себе две, может быть три любовные связи, пока он женат. Но три – это максимум. Свыше этого будет уже изменой» [10]. Способный воспламенить любую женщину, Монтан не желал отказываться от удовольствий. Ни красота, ни ум, ни жертвенная любовь не могли удержать его от поиска объектов для новых побед. А раз так, решила Симона, ей незачем сохранять молодость, она поторопит старость и свой уход. Кинозвезда перестала следить за собой, выставила Ива за дверь своей спальни и начала основательно пить. Она стремительно разрушала себя, превращаясь в грузную, с трудом передвигающуюся старуху с отёчным лицом. «Я предупреждал её, что она поступает

нечестно как по отношению к себе, так и ко мне», – злился моложавый Монтан, выглядевший рядом с женой-ровесницей её сыном.

Симона продолжала сниматься в кино, играть в театре, стала писать книги. Среди значительных работ актрисы – роли в фильмах «Убийца в спальном вагоне» (1965), «Корабль дураков» (1965), «Вдова Кудер» (1971), «Кот» (1971, премия на Международном кинофестивале в Западном Берлине), «Вся жизнь впереди» (1977, премия «Сезар»), «Северная звезда» (1982) и др. В театре Синьоре с успехом играла в чеховской «Чайке» (Швеция), в шекспировском «Макбете» (Англия), в «Лисичках» по пьесе Л. Хеллман (Франция). В отличие от многих коллег актриса сама написала книгу воспоминаний «Ностальгия совсем не та, что бывало» (1978). Её литературное творчество продолжилось романом «Прощай, Володя» о жизни нескольких семей польских и украинских евреев во Франции в период между двумя мировыми войнами (1985).

Монтан при полных аншлагах выступал на эстраде (среди его лучших шлягеров – «Опавшие листья», «О, Париж», «Большие бульвары», «Сэ си бон!»); играл в кино – «Жить, чтобы жить» (1967), «Дзета» (1969), «Мания величия» (1971), «Сезар и Розали» (1972), «Дикарь» (1975), «Пистолет «Питон 357»» (1976) и др. Оба супруга активно занимались политикой, они были самыми правыми среди левых и самыми левыми среди правых. «Политика во всём доминировала и оказалась ядом, отравившим нашу жизнь, – жаловалась дочь Симоны, Катрин. – Родители были склонны к демагогии, и их внешний облик находился в противоречии с их идеями» [3].

Синьоре никогда не делала достоянием общественности грязные семейные тайны, сохраняя имидж «счастливого» брака, хотя знала такое, от чего спивалась всё больше и больше. По мере того, как угасала красота Симоны, взрослела и хорошела её точная копия – Катрин.

Затаив обиду на мать, она под влиянием обаятельного Ива превратилась в его сообщницу: «Я служила ему алиби. Мы с ним часто совершали различные загулы. И я порой помогала ему в его похождениях. Это создавало особые отношения» [3].

*Ил. 9. Афиша фильма «Кот»,
реж. Пье Гранье-Дефер, 1971*

В частности, Катрин покрывала перед Симоной начавшуюся в 1982 году связь отчима с его личной секретаршей Кароль Амьель (позже, на свой страх и риск, родившей 67-летнему Монтану первоначально весьма нежеланного им сына).

Увлечение Ива молоденькой помощницей недолго оставалось тайной для проницательной Синьоре. Эта осведомлённость мучила её последние три года жизни. Страдания разрушили здоровье великой актрисы.

У Синьоре обнаружили рак. Она умерла 30 сентября 1985 года в возрасте 64 лет. Через шесть лет, 9 ноября 1991 года, Монтан скончался от инфаркта во время съёмок фильма «Ип 5». Последними словами знаменитого актёра и певца, сказанными в машине «скорой помощи», которая мчала его в реанимацию, были: «Я достаточно пожил и притом так хорошо, что мне не о чем сожалеть» [11, р. 35].

Неожиданный для всех всплеск «разоблачений» Монтана начался ещё при жизни певца делом удивительно похожей на него 16-летней Авроры Дроссар, дочери бывшей

актрисы Жильберт Дроссар, с которой Ив встречался в середине 70-х годов. В результате долгих препирательств знаменитый шансонье вынужден был признать эту связь, но категорически отрицал свое отцовство и отказывался от проведения исследования на ДНК. После его смерти вопрос об отцовстве рассматривался в суде, где на основании физического сходства и показаний свидетелей в 1994 году суд признал отцовство Монтана. После обжалования решения ближайшими родственниками (Катрин Аллегре, удочерённой певцом в 1987 году, и Кароль Амьель – матери его сына) было вынесено постановление о производстве генетической экспертизы.

Ил. 10. Катрин Аллегре

Шокированные французы стали свидетелями того, как дождливым мартовским вечером 1998 года на парижском кладбище Пер-Лашез была потревожена могила Симоны Синьоре (Монтана похоронили в могиле жены). Оттуда извлекли останки кумира многих поколений женщин и под усиленным конвоем республиканской роты безопасности перевезли в Институт судебной медицины, где экспертиза дала отрицательный ответ.

За первым эпизодом последовал второй – в 2004 году внук Синьоре и сын Катрин Аллегре, известный телеведущий Бенджамен Кастальди, решился опубликовать в своей книге «А теперь надо во всем признаться» постыдные факты семейной истории, в том числе намекающие на то, что неотразимый Монтан питал к падчерице не только отеческие чувства. По свидетельству Бенджамена, эти отношения между Ивом и Катрин стали для Симоны роковым ударом, а поиск забвения в алкоголе привел к преждевременной смерти. Кастальди назвал певца «настоящим монстром, но монстром, вызывающим восхищение». Книга оказалась бестселлером, возмущившим часть французов посягательством на легенду. Через несколько месяцев в свет вышла книга Катрин Аллегре «Мир вверх тормашками», посвященная матери и отчиму, вернее сводящая с ними счёты.

Ил. 11

Ил. 12.

«Не надо делать из них священных животных, – заявила Аллегре. – Они были такими же людьми, как и все, – с достоинствами и недостатками... Не надо этого скрывать» [3]. Видимо, немного испугавшись реакции соотечественников на откровения сына (существуют разные версии), Катрин обвинила Монтана лишь в рукоблудии при купании малолетней падчерицы, то есть в действиях педофильского характера.

Французы шумно обсуждали мемуары Аллегре, задаваясь вопросом, можно ли разрушать миф исповедальными откровениями? «Катрин заблуждается, если думает, что, «сказав всё», она облегчит свою душу, – высказала профессиональное мнение психоаналитик Клод Альмос. – Раскрыть какую-то тайну можно, если это поможет что-то восстановить или исправить, но выкладывать всю подноготную в качестве самоцели, – бессмыслица, причём

опасная. Это вовсе не способ снять с души камень. Потому что после этого разоблачения придется жить в атмосфере, которую в двух словах можно обрисовать, как «весь мир об этом знает», и исправить ничего будет уже нельзя. Гнетущую тяжесть этой новой ситуации мало кто себе отчётливо представляет...» [Цит. по 12].

Тем временем «разоблачения» продолжались. Близкий друг Монтана, известный французский актер и режиссер, значимая персона парижского светского общества Жан-Клод Бриали, которого президент Франции Николя Саркози характеризовал как «великого комедианта, а также антрепренера, режиссера, директора театра и фестиваля...большого гуманиста и неисчерпаемого мемуариста», в своих воспоминаниях «Забыл вам сказать» (2004) вдруг заговорил о нетрадиционной сексуальной ориентации Монтана в молодые годы, называя его «гомосексуальным жиголом» [13].

Наконец, в 2006 году не стерпев обвинений отца своего ребенка во многих грехах, а особенно в том, что он склонял приемную дочь к сожительству, последняя спутница знаменитого французского актера и шансонье Кароль Амьель разразилась собственной книгой под названием «Письма Монтану», утверждая, что он «был не монстром, а гением». Эта исповедь тоже стала бестселлером. Даже после смерти вокруг «звезды» эстрады и кино продолжают кипеть страсти. Люди пытаются понять, что из рассказанного является правдой, а что полуправдой, или откровенной ложью.

Синьоре обрела покой на кладбище Пер-Лашез. Чего нельзя сказать о похороненном в той же могиле Монтане, человеке, любовь которого дала ей счастье и которая, по сути, её убила.

Список литературы:

1. *Монтан И.* Солнцем полна голова. – М.: Искусство. – 1956.
2. *Grzesiak N.* Yves Montand. Simone Signoret. Une passion engage. – Paris: Acropole. – 2001.
3. *Коваленко Ю.* Ив Монтан начал умирать в день кончины Симоны Синьоре // Известия. – 1994. – 23 апр.
4. *Берто С.* Эдит Пиаф. – М.: Искусство. – 1991.
5. *Азнавур Ш.* Прошлое и будущее. – М.: Вагриус. – 2004.
6. *Richer G.* Piaf, mon amie. – Paris: Denoel. – 2007.
7. Ив Монтан: меня создали женщины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:ZSepGy9xWfAJ> (дата обращения: 04.02.2011)
8. *Saumer J.* Les dossiers secrets des RG [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lexpress.fr/informations/les-dossiers-secrets-des-rg617991.html> (дата обращения: 15.01.2011).
9. *Амон Э., Ротман П.* Видишь, я не забыл...//За рубежом. – 1991. – № 2. – С. 21–23.

10. Yves Montand [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imdb.com/name/nm0598971/bio> (дата обращения: 15.01.2011).
11. Montand la passion // Paris Match. – 1991. – № 2217. – Р. 32–94.
12. Память, проданная за славу и деньги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://turi100.net/se/smart.php?page=268&new=tur> (дата обращения: 15.01.2011)
13. Коваленко Ю. Последняя спутница Ива Монтана Кароль Амьель: «Он был не монстром, а гением» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/culture/article3099672/> (дата обращения: 04.02.2011).

Сведения об использованных иллюстрациях:

- Ил. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.flickr.com/photos/fofuxa/3356533869/> (дата обращения: 13.05.2011).
- Ил. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fembio.org/biographie.php/frau/biographie/simone-signoret/> (дата обращения: 13.05.2011).
- Ил. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://clubs.ya.ru/4611686018427422030/replies.xml?item_no=31 (дата обращения: 13.05.2011).
- Ил. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ctv.by/tvprogram/~news=40235> (дата обращения: 13.05.2011).
- Ил. 5, 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/2477424/post125774378/> (дата обращения: 13.05.2011).
- Ил. 6, 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kinofilms.tv/film/kot/14336/> (дата обращения: 13.05.2011).
- Ил. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/movie/181734/> (дата обращения: 13.05.2011).
- Ил. 10, 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kino-teatr.ru> (дата обращения: 13.05.2011).
- Ил. 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belan-olga.livejournal.com> (дата обращения: 13.05.2011).

Источник: *Культура в современном мире. — 2011. — № 2. — [Электронный ресурс].* — Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>